

— Господин Фу, пресс-конференция завершилась, — доложил голос из динамика. — Вэй Жэня забрали прямо из зала.

— Отпустите его жену и ребёнка.

Фу Яочжэн повернул голову к балконному окну. За стеклом яростно бушевала ночная гроза; во вспышках молний на миг отразилась удушающая, неугасающая ненависть.

— Сделайте всё необходимое до начала судебного процесса, — глухо произнёс он. — За испорченную репутацию Сяо И этот ублюдок расплатится собственной жизнью.

— Понял.

Звонок оборвался.

Бросив телефон на диван, Фу Яочжэн переключил канал. Экран на мгновение погас, а затем вспыхнул вновь. Изображение сперва подрагивало — чья-то тонкая рука с изящными пальцами поправляла объектив.

— Вот так, этот ракурс идеален.

Знакомый, до боли родной голос пронзил тишину комнаты. На экране появилось светлое лицо Сяо Найюя. Его лучистые, живые глаза казались наполненными мягким светом, будто в них отражалась россыпь далёких звёзд.

Улыбка на этом лице мгновенно притягивала взгляд — тёплая, искренняя, лишающая воли.

— Ну всё, я начинаю!

Он счастливо улыбнулся прямо в камеру. И только Фу Яочжэн знал: Сяо Найюй улыбался не объективу, а ему самому — тому, кто в тот день стоял с другой стороны штатива.

— Сегодня я покажу вам, как правильно лепить паровые булочки, — заговорил он. — На самом деле ничего сложного: берём крахмал, добавляем воду и вымешиваем. И так трижды, пока тесто не станет упругим. Правда, силищи приложить придётся немало...

Он наглядно пояснял каждое движение, с усердием выминая тесто.

Тогда он пообещал подписчикам снять небольшой влог — подарок в честь пяти миллионов фолловеров на Вэйбо. Фу Яочжэн как раз оказался дома и, уступив просьбам, согласился помочь с настройкой кадра.

Для новой роли Найюй специально отрастил волосы. Во время работы длинная чёлка всё время норовила упасть на глаза. Попытавшись смахнуть её тыльной стороной ладони, он, сам того не замечая, измазал щеку мукой.

Сяо Найюй даже не почувствовал этого. Фу Яочжэн из-за камеры беззвучно указал жестом на своё лицо. Найюй, заметив знак, с наивным недоумением потрогал щеку:

— М-м? Что такое?

В этот момент Фу Яочжэн шагнул в кадр, подошёл к растерявшемуся парню и лёгким касанием смахнул белый след с его кожи, поднеся испачканный палец к его глазам:

— Ты весь в муке. Как дальше снимать собрался? Куда делся образ безупречного айдола?

— А? Ха-ха-ха! — До Найюя только сейчас дошло, что руки у него по локоть в белой пыли. Он глупо улыбнулся: — Мне что, пойти умыться?

— Да ладно, оставляй, — усмехнулся Фу Яочжэн. Кончиком пальца он нарисовал на его щеках по три белые полосы. — Всё равно кроме меня тебя никто не видит, котёнок ты мой усатый.

Он наклонился ближе. Сяо Найюй, разгадав его намерение, послушно зажмурился. Его густые тёмные ресницы чуть заметно дрожали.

Тёплый поцелуй запечатлелся прямо на его веке.

Забытая видеокамера зафиксировала всё под идеальным углом.

После гибели Сяо Найюя эта короткая запись стала для Фу Яочжэня единственным анестетиком.

Но наркоз действовал лишь ненадолго, ничуть не исцеляя. Когда его действие заканчивалось, боль возвращалась с новой, сжигающей силой.

В его грудь будто вонзили раскалённый клинок. Никто не мог вытащить его — напротив, лезвие непрерывно проворачивалось в кровоточащей ране, причиняя тупую, невыносимую муку.

Он больше не намеревался это терпеть.

Видео застыло на кадре с их поцелуем.

Фу Яочжэн медленно поднял пистолет и прижал холодное дуло к подбородку. Его взгляд, полный неизбывной нежности, замёрз на призрачном образе того, кого он больше никогда не сможет обнять. На губах заиграла едва заметная улыбка — горькая, но приносящая долгожданное избавление.

«Я же обещал, что больше никогда не оставлю тебя одного. Не бойся».

Он закрыл глаза. Слез больше не осталось.

Длинные пальцы плавно нажали на спуск.

Раскатистый удар грома за окном заглушил выстрел.

А может... выстрела так и не произошло.

— А-Чжэн? А-Чжэн, вставай! На полу же холодно, иди в кровать.

Кто это?.. Кто зовёт меня?

Сознание Фу Яочжэня медленно пробивалось сквозь пелену. Где-то вдалеке грохотали новогодние салюты, а совсем рядом раздавался обеспокоенный материнский голос.

Спиной он чувствовал ледяную, твёрдую поверхность.

Кафель?

— Да проснись же! Сынок? Ты что, совсем заснул?

Голос звучал отчётливо и слишком реально. Он с трудом разомкнул веки. Яркий свет люстры резанул по глазам уколом боли, заставив снова зажмуриться, и лишь со второй попытки удалось разглядеть силуэт.

— Проснулся? Сказал, что встретишь со мной Новый год, а сам сморился прямо на полу. Не дай бог простудишься!

Фу Яочжэн в оцепенении смотрел на женщину. Перед ним стояла его мать — молодая, цветущая, совсем не похожая на ту, какую он запомнил.

— Мама?.. Почему ты... почему ты так молодо выглядишь?

Яо Цин слегка коснулась пальцем лба сына и со смешком пожурела:

— Ах ты сорванец! Только проснулся, а уже комплиментами сыплешь?

Мысли Фу Яочжэня путались, превратившись в сплошной кисель, а от лёгкого прикосновения матери голова и вовсе пошла кругом.

Пока он пытался сообразить, что происходит, из динамиков телевизора грянул бодрый голос диктора:

— Дорогие друзья! Вы готовы встретить две тысячи десятый год? Давайте отсчитаем последние секунды вместе!

— Девять! Восемь! Семь... Три! Две! Одна!

— С Новым годом!

Фу Яочжэн неверящим взглядом уставился на экран, где буйствовала праздничная массовка новогоднего гала-концерта. Он решил, что это бредовый сон, но в верхнем углу монитора чётко светилась красная плашка: «Прямой эфир».

— Какой сейчас год?! — выкрикнул он, вцепившись в руку матери.

— Ты и впрямь отлежал себе мозги? — Яо Цин всерьёз перепугалась и приложила ладонь к его лбу. Температуры вроде не было. — Две тысячи десятый. Полночь только что пробила. Тебе сегодня исполнилось девятнадцать.

Девятнадцать... Девятнадцать лет?!

Какая немыслимая цифра.

Фу Яочжэн рывком поднялся с пола, судорожно оглядывая обстановку гостиной.

Это действительно был его дом. Дом десятилетней давности!

Та самая новая вилла, куда мать увезла его через три года после смерти отца.

Отделка, мебель, расположение комнат — всё точно совпадало с его воспоминаниями.

Он сжал правую ладонь в кулак, и внезапная догадка заставила его дико оглянуться на паркет. На том месте, где секунду назад должен был лежать пистолет, чернел обыкновенный телевизионный пульт.

Фу Яочжэн судорожно ощупал свою шею. Никаких ран. Никакой крови. Но ведь он точно спустил курок! Пуля должна была разворотить ему артерию и череп.

Он не просто выжил... Он вернулся на десять лет назад?!

Что из этого наяву, а что — лишь агонизирующий бред умирающего разума?

— Где мой ноутбук?

— Компьютер? В кабинете. Время-то видел, зачем тебе за него садиться? Эй, ты куда помчался?!

Не слушая мать, Фу Яочжэн бросился на второй этаж. Ворвавшись в кабинет, он мгновенно нашел на столе старенький ноутбук — подарок отца на поступление.

В той, прежней жизни он проработал на нём почти восемь лет, пока техника окончательно не вышла из строя, после чего бережно хранил его как память.

Но сейчас перед ним стоял абсолютно новый, глянцевый корпус без единой царапины.

«Если бы я вернулся в свои пятнадцать... я мог бы застать отца живым».

Фу Яочжэн мысленно тряхнул головой, отгоняя бесполезную тоску. Мёртвых не вернуть, но то, что происходит сейчас, он упустить не имеет права.

Экран загорелся, заставив вписать пароль.

Пальцы на секунду зависли над клавишами, а затем на автомате выбили четыре цифры: 0624.

Система разблокировалась, открывая строгие монохромные обои.

Глядя на заставку, Фу Яочжэн почувствовал, как сердце сжала знакомая глухая горечь. Двадцать четвёртое июня — день рождения Линь Чишу. И день, когда его не стало.

В глазах на мгновение помутилось. Фу Яочжэн вытер веки тыльной стороной ладони, сделал глубокий вдох и заставил себя взять эмоции под контроль.

До трагедии прошлого оставалось целых десять лет. У него есть время, чтобы изменить всё! Сейчас не время поддаваться слабости.

Он открыл браузер. Руки слегка подрагивали, пальцы с непривычки путались в раскладке десятилетней давности, но спустя пару минут в строке поиска всё же появились слова: «Приют Цзие официальный сайт».

Загрузилась незамысловатая страница в синих тонах.

Фу Яочжэн стремительно пролистал её до самого низа, нашел контактный номер и, схватив телефон, набрал его, совершенно забыв про то, что на часах давно перевалило за час ночи.

Когда Яо Цин вбежала в кабинет, она застала сына у стола: он сжимал трубку, а на его лице сменяли друг друга отчаяние и дикая, почти безумная надежда.

«Ответь... ну же, ответь!»

Словно сжалившись над ним, на пятом звонке гудки прервались.

— Приют посёлка Цзие, слушаю вас, — раздался в динамике сонный голос женщины средних лет. Закончив фразу, она откровенно зевнула и добавила с явным раздражением: — Кто это в такое время?

Фу Яочжэн проигнорировал её тон, выпалив сдавленным от волнения голосом:

— Здравствуйте! Скажите, пожалуйста... у вас ведь есть воспитанник по имени Сяо Найюй?

— А? Сяо Найюй?

— Да!.. — Фу Яочжэн хватался за эту надежду, как утопающий за соломинку. — Можно с ним поговорить? Пожалуйста, дайте ему трубку! Я только хочу услышать его голос!

— Вы с ума сошли? — сурово отрезала женщина. — Во-первых, я понятия не имею, кто вы такой и что вам нужно. Во-вторых, дети давно спят. Ночь на дворе! У наших сирот нет родителей, праздники и так проходят скромно, и я не собираюсь будить ребёнка из-за какого-то странного звонка! Хотите связаться — предоставляйте документы и обращайтесь в рабочее время. Всего доброго.

<http://bllate.org/book/20256/2105991>